

— Каждый в нашей семье любит разные места, никто не хочет себя ограничивать, вот так и живем, — с легкой грустью ответил Цао Цзинсин, хотя он уже привык к одиночеству и не придавал этому большого значения.

Ци Чжэн, напротив, был человеком с сильными семейными ценностями, и, услышав это, он был поражен, но, подумав, что семья Цао Цзинсина, вероятно, более прогрессивна, живя за границей, ничего не сказал, лишь заметил:

— Наверное, у иностранцев так принято. Ваша семья просто современная.

Цао Цзинсин лишь улыбнулся, не добавляя больше слов.

Автобус ехал около часа, прежде чем добраться до остановки. Среди густых кустов стоял простой указатель, почти незаметный, если не присматриваться. Цао Цзинсин и Ци Чжэн вышли, огляделись и направились в выбранном направлении.

Их цели были разными. Ци Чжэн хотел поговорить с монахом в храме, а Цао Цзинсин, казалось, не имел конкретной цели, что вызывало удивление у Ци Чжэна. Подняв руку и взглянув на часы, Цао Цзинсин сказал:

— Встретимся здесь в четыре, ладно?

— Без проблем, — кивнул Ци Чжэн.

Храм, скрытый среди деревьев, выглядел тихим и уединенным. Ступени у входа были каменными, покрытыми черной грязью, которую уже невозможно было отчистить. Ворота были небольшими, покрашенными в красный цвет, но со временем краска потускнела. Переступив порог, они оказались во дворе, где росли низкие травы и лежали опавшие листья. Пение птиц звучало еще отчетливее, подчеркивая уединенность этого места. Храм был расположен глубоко в лесу, и посетителей здесь было мало. Ци Чжэн вошел внутрь и увидел монаха в серой рясе, подметавшего листья. Шуршание метлы и пение птиц создавали атмосферу спокойствия и умиротворения.

Ци Чжэн огляделся и направился в главный зал. Впереди стояли три статуи: Конфуция, Лао-цзы и Будды. Их лица были добрыми, а взгляды полными мудрости. Хотя статуи были старыми и местами потускневшими, они были тщательно вычищены и излучали некий благоговейный страх. Перед статуями стоял стол с несколькими курильницами, из которых поднимался тонкий дым, создавая атмосферу святости.

Ци Чжэн взял три благовония, зажег их и, стоя перед статуями, почтительно поклонился. Он вставил благовония в золотую курильницу, и тонкий дымок поднялся в воздух, исчезая у подножия статуй.

Затем он переступил порог и повернул направо, остановившись у двери. Изнутри доносился ритмичный звук деревянного молотка, ударяющего по деревянной рыбе. Ци Чжэн вошел. В

комнате сидел монах, одетый в простую рясу, с закрытыми глазами. В одной руке он держал четки, в другой — деревянный молоток. Его губы шевелились, произнося молитвы, а звук молотка смешивался с его низким голосом. Даже появление Ци Чжэна не прервало его.

Солнце уже поднялось высоко, и свет пробивался сквозь старые, пыльные окна, создавая причудливые тени. В комнате было темно, но атмосфера была наполнена покоем и умиротворением.

Монах и Ци Чжэн сидели друг напротив друга. Монах опустил четки и молоток, открыл глаза, поднял правую руку к губам и произнес:

— Амитофо.

Ци Чжэн поклонился и сел на подушку напротив. В тихой комнате царил атмосфера, способная очистить душу от мирской суеты. Ци Чжэн, несмотря на внутреннее беспокойство, постарался успокоиться и терпеливо ждал, пока монах закончит чтение молитвы.

— С чем вы пришли, уважаемый гость? — наконец спросил монах. Его лицо было покрыто морщинами, а глаза, несмотря на возраст, оставались спокойными и мудрыми.

Мастер Юаньтун из монастыря Цзицы раз в год, в ноябре, проводил встречи с мирянами, выбирая лишь тех, кто был достоин. Ци Чжэн оказался одним из таких избранных. Он склонил голову и спросил:

— Уважаемый Мастер, правда ли, что в нашем городе появились злые духи?

Мастер Юаньтун улыбнулся и ответил:

— Если в сердце есть зло, то зло будет вокруг. Если в сердце нет зла, то и вокруг его не будет.

— А есть ли что-то, что может заставить человека видеть призраков? — спросил Ци Чжэн.

— Все в этом мире подчиняется своим законам. Если происходят странные вещи, значит, вы сами нарушили эти законы.

Ци Чжэн нахмурился:

— Но я не знаю, что я сделал.

— Старые раны тревожат душу, и только любовь может принести избавление. Чтобы избавиться от своих тревог, вам предстоит пройти долгий путь, — сказал Мастер Юаньтун.

Ци Чжэн почувствовал, как сердце его сжалось. Он не понимал до конца смысла этих слов, но чувствовал, что в них скрыта важная истина.

Мастер Юаньтун, видя его замешательство, вздохнул и продолжил читать молитвы. Его низкий голос, казалось, обладал магической силой, успокаивая душу. Ци Чжэн сидел и слушал, постепенно успокаиваясь.

Через некоторое время молитва закончилась, и тени на окнах сместились. Мастер Юаньтун произнес:

— Вы можете идти. Если вы поймете смысл этих слов, ваши сомнения исчезнут.

— Благодарю вас, Мастер, — сказал Ци Чжэн и поклонился.

На улице солнце продолжало светить, а благовония в курильнице догорали, оставляя легкий аромат.

Цао Цзинсин, тем временем, неспешно прогуливался по маленькому храму, держа в руках фотоаппарат. Он сделал несколько снимков, но комары в лесу начали его раздражать. Он подошел к воротам храма, но едва переступил порог, как монах, подметавший двор, увидел его и, смутившись, остановил:

— Это святое место, пожалуйста, не нарушайте покой.

Цао Цзинсин холодно взглянул на монаха и резко сказал:

— Уйдите с дороги.

Монах вздохнул, но продолжал стоять на месте:

— Пожалуйста, остановитесь.

Цао Цзинсин уже хотел применить силу, но вдруг из храма раздался низкий, торжественный звон колокола. Монах, услышав его, поклонился и отошел в сторону:

— Проходите.

Цао Цзинсин фыркнул. Этот храм, видимо, обладал какой-то силой, если даже простой монах смог почувствовать его присутствие. Что же тогда говорить о настоятеле? Но что Ци Чжэн мог искать в таком месте?

С недовольством Цао Цзинсин осмотрелся. Ему не нравилось чувство потери контроля, особенно когда это касалось Ци Чжэна.

Храм был небольшим, состоящим из главного зала с несколькими статуями, нескольких комнат для медитации, внутреннего двора и колокола. Обойти его можно было за пять минут. Повернув за угол, Цао Цзинсин увидел Ци Чжэна, стоящего у двери. Его фигура, освещенная солнцем, казалась немного хрупкой.

Цао Цзинсин с облегчением вздохнул, но на лице его не было улыбки.

— Ну как?

Ци Чжэн, увидев его, подошел и посмотрел на телефон:

— Мы же договорились встретиться через час.

Цао Цзинсин пошел рядом с ним:

— Я закончил свои дела, решил уйти раньше. А ты? Нашел ответы на свои вопросы?

— А, — задумчиво ответил Ци Чжэн, все еще размышляя над словами Мастера Юаньтуна.

Цао Цзинсин, обычно немногословный, заметил, что Ци Чжэн не реагирует на его слова, и не выдержал:

— Похоже, ты там получил что-то важное.

— Если бы, — с неудовольствием ответил Ци Чжэн, его лицо все еще выражало беспокойство.

— Может, я помогу разобраться? Может, у меня тоже есть способности, — с улыбкой сказал Цао Цзинсин.

<http://bllate.org/book/15406/1361911>